

В поисках утерянного драйва

Плетнев сравнил завещания Прокофьева и Шостаковича

Плетнев. Мир

Михаил Плетнев вернулся в Российский национальный оркестр всерьез и надолго.

Фото ИТАР-ТАСС

Илья Овчинников

Российский национальный оркестр отдал дань уважения Сергею Прокофьеву – в этом году исполнилось 50 лет со дня его смерти. Под руководством Михаила Плетнева прозвучала седьмая, последняя симфония композитора. С нею соседствовала пятнадцатая – также последняя – симфония Шостаковича, придавшая программе особую остроту.

Хотя Прокофьев – один из наиболее часто исполняемых композиторов в Москве и за ее пределами, огромное число произведений автора остается за кадром. Так, из семи его симфоний чаще играют первую и пятую, реже – седьмую, почти никогда – остальные. Оконченная в 1952 году и удостоенная Ленинской премии седьмая оказалась последним сочинением композитора, на исполнении которого ему довелось присутствовать. Наряду с балетом "Сказ о каменном цветке" и произведениями

для виолончели седьмую принято считать творческим завещанием Прокофьева. Но если отрешиться от гипнотического действия этих слов, то легко услышать, что среди последних егоopusов она наименее оригинальна, а среди симфоний – наиболее легка для восприятия (не считая первой, нарочитая "простота" которой – сознательный прием). Тогда как любая другая симфония Прокофьева изобилует нестандартными решениями, главная тема седьмой – печальная и проникновенная – будто переносит слушателя куда-то во времена Чайковского, побочная же напоминает о нашем кино времени оттепели с его "ледоходом и нравственным обновлением".

Наиболее удачно в исполнении Плетнева прозвучала вторая часть симфонии – вальс; однако трудно было не вспомнить куда более яркие вальсы из "Золушки" и "Войны и мира". В каком-то смысле седьмая – действительно итог творчества композитора, своеобразная антитеза новаторскому виолончельному концерту: возможно, на закате жизни гения утомила необходимость быть изобретателем – ему оказалось интереснее напи-

сать просто и красиво, нежели предложить слушателю очередную увлекательную головоломку, поразив его сложностью формы. В качестве итога творческого пути пятнадцатая симфония Шостаковича выглядит гораздо убедительнее.

Здесь композитор оглядывается назад, скрыто и явно цитируя себя самого, Вагнера, Россини; в то же время, чувствуя приближение смерти, Шостакович стремится заглянуть за грань потустороннего. От этого его последняя симфония так не похожа на остальные: две развернутые медленные части (вместо традиционной одной); непропорционально короткое скерцо, основанное на додекафонической теме; подчеркнутая роль ударных; появление в последней части лирической темы, столь нехарактерной для позднего Шостаковича – автор старался вложить в симфонию максимум возможного. Это стоило ему второго инфаркта и потери работоспособности на полтора года; впереди оставались квартеты, вокальные циклы и альтовая соната, однако лишь последняя приблизилась к пятнадцатой симфонии по загадочности и глубине.

Под управлением Плетнева симфония прозвучала неровно; если оркестровые tutti были практически идеальны, то камерные эпизоды иной раз не желали соединяться в единое целое. Виолончельные соло, томящий дуэт флейт, отдельные ноты челесты во второй части производили впечатление коллажа, хотя здесь Шостакович едва ли ставил такую задачу; таким образом, музыка оказалась лишена необходимой напряженности. Скерцо было исполнено ощутимо медленнее общепринятого темпа, из-за чего в значительной мере утратило драйв. Вспоминалось исполнение симфонии полтора года назад Василием Синайским, которому в большей степени удалось сохранить ее цельность. Впрочем, Синайский руководил Госоркестром лишь короткое время, тогда как Плетнев вернулся в РНО всерьез и надолго; 27 апреля он опять станет за дирижерский пульт. Чем стабильнее будут отношения оркестра с дирижерами, тем больше надежды на интересный репертуар, не говоря уже о драйве.